

А. Н. Федоров

О ПРИЧИНАХ КАДРОВОЙ ЧИСТКИ 1949—1950 гг. В МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ)

A. N. Fedorov

THE REASONS FOR PERSONNEL CLEANINGS DURING 1949—1950 IN MOLOTOV REGION (BASED ON PRIVATE CORRESPONDENCE)

Статья посвящена причинам кадровой чистки 1949—1950 гг., охватившей большую часть уральского региона и, в первую очередь, Молотовскую (Пермскую) область. Автор анализирует сведения по проблеме, почерпнутые из частной переписки номенклатурных работников, потерявших свои посты в ходе чистки.

Ключевые слова: *кадровая чистка, частная переписка, ЦК ВКП(б), региональные партийные органы, личные взаимоотношения высшего и местного руководства.*

This article is devoted reasons purge 1949—1950. That swept much of the Ural region and in the first place, Molotov (Perm) region. The author analyzes data on the issue, drawn from private correspondence nomenclatura who have lost their jobs during cleaning.

Keywords: *personnel cleaning, Private correspondence, the Central Committee of VKP(b), regional party bodies, personal relations of the higher and local management.*

Одним из событий послевоенного времени, которое тесно переплелось с другими, большими и малыми, и которое при желании позволяет представить эпоху в целом, была кадровая чистка 1949—1950 гг. В литературе ее обычно подают как последний всплеск «сталинских репрессий», и наиболее ярким ее проявлением считают идеологические кампании и «ленинградское дело»¹. Между тем, ряд историков избегает термина «репрессии» и обнаруживает следы организованных и систематических чисток партийного и советского аппарата в различных регионах страны. Их усилиями полноценно или эпизодически изучено «оздоровление кадров» в Прибалтике, на Кавказе, в Северо-Западном регионе (Новгородская и Псковская области) и Поволжье (Горьковская область)². На этом фоне заметен пробел по Уралу.

Сведения о «чистке Маленкова» в уральских областях обрывочны, и если введены в научный оборот, то практически не известны широкому кругу историков. Но даже этой толики информации достаточно, чтобы сделать предварительный вывод: причины кампании в регионе несколько отличаются от общепризнанных (борьба группировок в высшем эшелоне власти, стремление Г. М. Маленкова упрочить недавно обретенные позиции за счет насаждения преданных кадров).

Скудность источников по обозначенной теме вынуждает исследователя прибегать к любым, даже отличающимся высокой степенью субъективности, материалам. К их числу несомненно относится хранящаяся в Пермском государственном архиве новейшей истории (ПермГАНИ) переписка «жертв» тогдашних чисток — Кузьмы Михайловича Хмелевского (первого секретаря Молотовского (до 1957 г. на-

звание Пермского) обкома в 1946—1950 гг.) и Бориса Никандровича Назаровского (ответственного редактора областной газеты «Звезда» в 1945—1950 гг.), которые и после 1950 г. поддерживали доверительные отношения³. В одном из своих писем, датированном 12 сентября 1962 г., Хмелевский подробно затрагивает вопрос о причинах широкомасштабных чисток 1949—1950 гг., поэтому уместно привести пусть и пространный, но информативный фрагмент его послания (орфография и пунктуация подлинника сохранены):

«P. S. Да, чуть было не забыл о самом главном. В прошлом году я просил тебя, как коммуниста и товарища по работе, члена бюро обкома тогдашнего состава зайти к К. И. Галаншину и объективно информировать его о действительных (а не мнимых) причинах разгрома Маленковым и К^о нашего обкома в 1949 году, о подоплёке этого провокационного дела. Теперь, после разоблачения антипартийной группы это особенно ясно. Никаких объективных оснований для избиения кадров и оплевывания работы обкома не было. Показатели были хорошими, руководители честными, и без преувеличения можно сказать неплохими организаторами. Вся эта свистопляска была инспирирована потому, что я несколько раз поспорил с Маленковым, обратился через его голову к Сталину с жалобой и он (Маленков) получил тогда замечание. В этом собака зарыта. Все же остальное — чепуха. Была дана команда и нас сожрали. Что бы я тебя попросил? Может быть вместе с Сергейченко и проф. Ясницким или с кем-либо другим «смелычаком» (напр., Федюнкиным) Вы бы попросились на прием к т. Галаншину и беспристрастно рассказали ему что же произошло в 1949 году. (возможно достаточно сходить

тебе одному). Дело в том, что Галаншин тогда далек был от всех этих событий и не знал подоплеку дела. А кое-кто из «обиженных» вроде Сигова представили всю эту историю в искаженном свете. Если ты с этим согласен я бы выслал тебе имеющуюся у меня подробную справку, которая последовательно излагает данное дело. Это необходимо в целях реабилитации организации и восстановления моей партийной чести. На XXII съезде Н. С. Хрущев говорил, что мы обязаны восстановить истину, пока живы. Попутно может быть намекнуть т. Галаншину, чтобы он поддержал меня сейчас, в трудное для меня время»⁴.

Из приведенных в письме сведений проверке на достоверность подлежит, в первую очередь, заявление адресанта о «действительных» причинах кадровой чистки в областном партийном комитете в 1949 г. (на деле в 1949 г. чистка коснулась только Хмелевского, который 24 декабря решением Секретариата ЦК ВКП(б) был освобожден от обязанностей первого секретаря обкома партии, а в области чистка прошла в 1950 г.). Фактически речь здесь идет о личной обиде Маленкова, вызванной нарушением субординации Хмелевским. Обидчивость и мстительность Георгия Максимилиановича действительно являются широко известным фактом, хотя данные качества его натуры исследователи обычно обнаруживают только в ходе «ленинградского дела». А «резвость», привычка обращаться в обход непосредственного начальника в высшие инстанции, вполне характеризуют Кузьму Михайловича. Для него привычным было не только обращаться к секретарям ЦК и союзным министрам для решения хозяйственных вопросов, но предлагать и требовать. И вообще, в отношениях со столичным начальством, судя по его телеграммам и деловой переписке с Москвой, Хмелевский был «дерзок, напорист и целеустремлен»⁵.

То, что личные качества сказывались на взаимоотношениях руководителей регионального и высшего уровня, не является чем-то новым. И наши герои вряд ли являются исключением в этом правиле. И все же необходимо прояснить два ключевых момента: имели ли место столкновения с Маленковым и обращения к Сталину, о которых упоминает Хмелевский, и почему вполне рядовой конфликт привел к столь тяжким последствиям.

По первому моменту неоспоримым является факт обращения Хмелевского напрямую к Сталину. В ценнейшем источнике — тетрадях записей лиц, принятых И. В. Сталиным — содержатся записи о посещении Кремля первым секретарем Молотовского обкома партии 13 июля (с 21-35 до 22-20) и 14 июля (с 20-00 до 21-20) 1948 г. Тогда же в кабинете Сталина побывал Маленков: с 23-30 до 1-20 и с 20-00 до 22-40 соответственно⁶.

Для понимания сути произошедшего необходимы два пояснения. Хмелевский является **единственным** из секретарей уральских обкомов ВКП(б) послевоенных лет (середина 1946 — начало 1953 гг.), удостоенным личной встречи со Сталиным. Первая их встреча происходила неформально, с **глазу на глаз**, задолго до прибытия в 23-30 остальных членов тогдашнего состава Политбюро ЦК ВКП(б). Вероятно за 45 минут Хмелевский описал обстановку в области, изложил свои предложения по ее преодолению, и, вероятно, обмолвился о «нечуткости» московских

начальников к своим просьбам. Сталин назначил смельчаку новый прием на завтрашний вечер. На этот раз в течение полутора часов проходило оперативное совещание, на котором присутствовали главы союзных министерств внутренних дел (С. Н. Круглов), вооружений (Д. Ф. Устинов), путей сообщения (Б. П. Бещев), сельскохозяйственного машиностроения (П. Н. Горемыкин), торговли (В. Г. Жаворонков), цветной металлургии (П. Ф. Ломако), заместитель министра угольной промышленности СССР по капитальному строительству в Восточных районах (А. С. Кузьмич) и А. Н. Поскребышев⁷. Эти люди были приглашены, чтобы обсудить использование труда заключенных, расширения военных заказов, поставки дефицитного сырья и оборудования, снабжение продовольствием и ширпотребом, снятие финансовой задолженности с промышленных предприятий союзного значения в Молотовской области. Л. П. Берия, Н. А. Вознесенский, Л. М. Каганович и, конечно, Г. М. Маленков должны были обеспечить скорейшее оформление выдвинутых предложений и контроль за их исполнением.

В письме к Илье Ильичу Малышеву (министру Министерства геологии СССР и другу) Кузьма Михайлович отметил, что в течение июля-августа 1948 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) «по личному указанию товарища Сталина приняли ряд решений, направленных на развитие народного хозяйства Молотовской области»⁸. Но все же стоит подчеркнуть, что эти решения были приняты в буквальном смысле по горячим следам, без промедления. Уже 15 июля Бюро СМ СССР рассмотрело вопрос «О строительстве турбогенераторного завода в г. Лысьве и завода взрывобезопасных электромоторов в г. Владимире Министерства электропромышленности»⁹. Вопрос, который секретарю обкома Молотовской области прежде не удалось «полюбовно» разрешить с Маленковым, отвечавшим в качестве заместителя председателя Совета Министров со 2 августа 1946 г. за деятельность министерств связи, промышленности средств связи и электропромышленности¹⁰.

На том же заседании руководящие работники приняли решение об оказании финансовой помощи предприятиям Министерства авиационной промышленности. Несмотря на обобщение в заголовке постановление касалось заводов только Молотовской области, так как его инициатором был все тот же пробивной Хмелевский. Именно он в первой половине года неоднократно пытался поправить финансовое положение заводов № 19 им. Сталина (авиадвигатели) и № 33 им. Калинина (топливная аппаратура для авиадвигателей), обращая то к министру финансов А. Н. Косыгину с официальным предложением поставить вопрос в Правительстве, то к министру авиапрома М. В. Хруничеву с личной просьбой о выделении дополнительных средств этим заводам¹¹. Не добившись своего, Кузьма Михайлович наверняка упомянул об этой острой проблеме в разговоре со Сталиным. Кстати, Михаил Васильевич был наказан за нерасторопность, поскольку Бюро СМ СССР следующим решением от 15 июля осудило «систематические приписки в государственной отчетности по выпуску самолетов» в его ведомстве. Два года назад подобное обвинение оборвало карьеру А. И. Шахурин и ослабило позиции во власти Г. М. Маленкова.

Исторические науки

Хруничев же, возглавлявший министерство до 1953 г., помимо выговора от Бюро отделался своеобразной и кратковременной опалой — до сентября месяца прекратились его регулярные встречи со Сталиным.

Через две недели, 29 июля 1948 г., на заседании Бюро СМ СССР было принято сразу полдесятка постановлений — случай в практике этого государственного органа беспрецедентный, — об оказании помощи в развитии Молотовской области:

1. О мероприятиях по восстановлению и дальнейшему развитию Березниковского магниевых завода Министерства цветной металлургии.

2. О мерах помощи заводам №№ 98, 577 и 260 Министерства сельскохозяйственного машиностроения.

3. О мероприятиях по развитию лесной промышленности Молотовской области.

4. Об улучшении торговли в г. Молотове и промышленных центрах Молотовской области.

5. О мерах помощи городскому хозяйству г. Молотова¹².

Весомость этим постановлениям прибавили решения Политбюро, которое 27 июля того же года рассмотрело вопросы Министерства лесной и бумажной промышленности СССР, 30 июля — Министерства химической промышленности и 4 августа — Министерства сельскохозяйственного машиностроения¹³. В них детализировались объемы и порядок оказания помощи предприятиям указанных министерств, но, в первую очередь, находившимся в Молотовской области. Важнее, однако, следующее. До лета 1948 г. проблемы министерств сельскохозяйственного машиностроения и химпрома ни разу не попали в повестку заседаний высшего партийного органа с весны 1947 г., а то и 1946 г. И это несмотря на их значение для восстановления сельского хозяйства и создания атомного оружия.

Вряд ли Кузьме Михайловичу приходилось спорить по перечисленным вопросам лично с Георгием Максимилиановичем, который тогда отвечал за другие отрасли народного хозяйства. Но можно предположить, что в начале июля между ними состоялся серьезный разговор. Прибывший в столицу Хмелевский наверняка отправился попытаться счастья к А. А. Жданову, с которым до этого удалось уладить немало сложнейших вопросов, или к А. А. Кузнецову, руководившему Управлением кадров ЦК ВКП(б), который вот уже третий год принимал отчеты о работе обкома и неизменно помогал кадрами. Но попал он к Маленкову, за которым с 10 июля 1948 г. Политбюро закрепило заведование ключевым звеном только что расформированного Управления кадров — отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов. Если такая беседа и состоялась, то секретарь ЦК вряд ли пошел навстречу: он только-только вступил в должность, утраченную два года тому назад, и был занят более важными делами.

Только благодаря вмешательству Сталину Хмелевский добился особого внимания к проблемам вверенной ему области. Помощь центра позволила резко увеличить капиталовложения в промышленность области, усилить ее мощности и тем самым получить, впервые после окончания войны, заветное перевыполнение плана — 104,6 %. В дальнейшем, до конца четвертой и в течение пятой пятилетки, область

стабильно выполняла производственные задания, но уровень 1948 г. так и остался недостижимым¹⁴.

Трудно сказать, кто из упомянутых в этой истории лиц затаил обиду на Кузьму Михайловича. Сам он называет только Маленкова, не понесшего никакого наказания кроме замечания Сталина. Трудно глянуть в душу человека, но можно предположить, что Георгий Максимилианович очень остро воспринял ту реплику вождя по ряду причин.

1 июля 1948 г., после двух лет своеобразной опалы, Маленков был введен в состав Секретариата — наиболее важного, поскольку действовал непрерывно, органа ЦК ВКП(б). 10 июля Маленков получил в свое ведение отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов, т. е. контроль за партийными кадрами, что фактически выдвинуло его на вторую роль в партии. Высокое доверие оказано, но зримых достижений, оправдывающих его, еще нет.

При столь шатком положении, когда еще нет новых заслуг, за спиной еще не стоит своя верная команда, замечание вождя могло привести если не к краху карьеры, то утрате с таким трудом обретенных позиций. Ведь замечание косвенно относилось к самой больной теме — явно обозначившемуся в 1947 г. срыву четвертой пятилетки¹⁵. На таком фоне Маленков вполне сходил за одного из виновников провала, а Хмелевский — за романтического героя, созидающего дело. И ситуацию наверняка «подогрел» тот факт, что неожиданно дошедший до Сталина и получивший его всемерную поддержку Хмелевский был «уральским секретарем», как пресловутые Н. И. Гусаров и Н. С. Патоличев, которые весной 1946 г. неожиданно потеснили и заменили Г. М. Маленкова и его людей в ЦК ВКП(б), и которых Сталин до 1950 г. ценил весьма высоко¹⁶. Перспектива получить нового конкурента была, конечно, невелика, но, для осторожного человека, и этого было достаточно. Тем более что во всей этой истории чувствовалась некоторая переключка с печальным для Георгия Максимилиановича по своим последствиям «авиационного дела». Похоже, что наложение нескольких личных переживаний прошлого на текущую, вполне нейтральную и лишь в незначительных деталях напоминавшую прежнюю, ситуацию усугубили восприятие, в сущности, обычного происшествия.

Весьма показательна то, как действовал обиженный Маленков. Его задача состояла в быстром восстановлении позиций ближайшего соратника Сталина, второго человека в партии и правительстве. И это, по мнению М. А. Даниленко, удалось ему «лишь упорным трудом в Совете Министров, где он беспрерывно выполнял все поручения высшего руководства»¹⁷. В том числе и те, что касались Молотовской области. Ведь сталинская протекция Хмелевскому обрела оформление на упомянутом заседании Бюро СМ СССР 29 июля 1948 г. именно под председательством исполнительного Г. М. Маленкова. Вторым средством упрочения во власти для Маленкова стал контроль над партийными кадрами через Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов. Вытеснение им «ждановцев» с ключевых партийных постов, начавшееся уже с середины июля 1948 г., обстоятельно рассмотрено в литературе. Однако на К. М. Хмелевского и по этой линии долгое время не оказывалось ни малейшего давления. Наоборот, в декабрьском

номере «Большевика» за 1948 г. была опубликована его обширная статья о том, как правильно организовать деятельность аппарата парторганов¹⁸. Это был знак высшего доверия свыше, признания не только хозяйственных, но и партийных заслуг. И здесь также не обошлось без упредительного и чуткого Г. М. Маленкова: именно он на правах заведующего Отделом пропаганды и агитации с августа 1948 г. курировал издание печатного органа ЦК ВКП(б).

Секретарь обкома попал под раздачу только через год, когда секретарь ЦК, благодаря кампаниям по борьбе с низкопоклонством и космополитизмом и «ленинградскому делу», прочно укрепился в роли вето человека в партии и развернул наступление против «незадачливых руководителей». Тех самых руководителей, которые «не могут правильно оценивать успехи и в то же время подмечать недостатки для того, чтобы их устранить»¹⁹. После «ленинградцев», на которых был отработан формат обвинений, под удар, попали Псковский (октябрь 1949 г.) и Новгородский (ноябрь 1949 г.) обкомы партии, где отчетливо прослеживался «ленинградский» след²⁰. Сразу после этого чистки обрушились на уральские областные комитеты ВКП(б): Молотовский (декабрь 1949 г.), Челябинский (январь 1950 г.) и Курганский (март 1950 г.), обойдя стороной Свердловский. Чуть позднее и с в меньшим размахом кампания захватила лишь отдельные партийные организации Центра (Курскую в феврале), Поволжья (Горьковскую в январе), Сибири (Томскую в январе) и Дальнего Востока (Хабаровскую в июне).

Выявление того, почему Урал (3 из 6 областных организаций) в большей мере, чем остальные регионы испытал тяжесть кадровой чистки, не входит в задачи данного исследования. Зато, почему первым «разгрому» подвергся именно Молотовский обком и лично Хмелевский можно понять из вышеизложенного материала. Тем более что в рассказе, бытовавшем среди номенклатурных работников Перми в 60-е гг., это событие прочно увязано с именем только Маленкова²¹.

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 24 декабря 1949 г. свело на нет перспективы карьерного роста Кузьмы Михайловича зримо обозначившись за полтора года до этого. В декабре 1949 — ноябре 1950 гг. он, вероятно насмешки ради, являлся слушателем курсов секретарей обкомов ЦК ВКП(б) и затем до выхода на пенсию в феврале 1954 г. пребывал под начальством Маленкова в должности инспектора Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов²². Молодого пенсионера не устраивал подобный расклад и, воспользовавшись сменой политического курса, он попытался восстановить себя в глазах нового руководства и, конечно, «реабилитировать организацию». Из его письма следует, что он дважды, в 1961 и 1962 гг. предпринимал такую попытку, причем заранее подготовился к ней.

Будучи опытным политиком, Кузьма Михайлович не стал действовать напрямую (обращение в ЦК, письма в Комиссию партийного контроля при ЦК и т. п.). Он фактически разработал многоходовую комбинацию, суть которой состояла в том, чтобы прежние его соратники, оставшиеся в Перми, обратились к действующему руководству области, и то, в свою очередь, связалось бы с Москвой, посодействовало бы «реабилитации». Точность расчета Хмелевского

видна в том, что он настаивал именно на коллективном обращении к начальству: это соответствовало духу времени и могло оказать больший эффект нежели личные жалобы «обиженных». Мастерский расчет прослеживается и в «подборе кадров». С адресатом Кузьма Михайлович, как показано выше, был хорошо знаком по прежней работе, уважал и, по всей вероятности, считал другом. Александр Васильевич Сергейченко, с начала 1960-х гг. заведовавший Пермским областным радиокомитетом, с 1943 по 1952 гг. являлся рядовым и ответственным работником райкомов и горкомов партии, благодаря чему был знаком Хмелевскому и вместе с тем, по причине невысокого поста, не повторил его судьбы²³. Петр Алексеевич Ясницкий, известный терапевт, с 1932 по 1965 гг. бессменно руководивший кафедрой госпитальной терапии Пермского мединститута, наверняка был расположен к бывшему секретарю обкома. Тот в свое время был весьма учтив к местным грандам от медицины (беспокоился о правительственных наградах для них, улучшении жилищных условий, лично поздравлял со знаменательными датами), а в 1947 г. «сделал все возможное, чтобы дело Ключевой — Роскина не переросло в дело молотовского медицинского института»²⁴. А Дмитрий Федорович Федюнькин, который на тот момент более десяти лет заведовал кафедрой Пермского сельскохозяйственного института, был для Хмелевского «своим» человеком без всяких сомнений. С июля 1943 г. Федюнькин работал в Молотовском обкоме инструктором, а с августа 1944 г. уже заведующим сельскохозяйственного отдела, и в июле 1946 г. по протекции Хмелевского стал секретарем по кадрам, т. е. третьим, а то и вторым человеком в обкоме. За полгода до «разгрома» он был назначен председателем облисполкома и поэтому чистка докатилась до него лишь осенью 1950 г. и не оборвала полностью карьеру²⁵. Зато Сигов, уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Молотовской области, действительно был неуместен, поскольку в 1946—1948 гг. очень энергично разоблачал мздоимцев из числа партийных работников, чем доставлял немало беспокойства Кузьме Михайловичу, отличавшемуся терпимым отношением к подобной беспринципности.

Константин Иванович Галаншин, первый секретарь Пермского обкома КПСС в 1960—1963 гг., действительно «далек был от всех этих событий и не знал подоплеку дела», так как в 1947—1950 гг. занимал должность директора Кизеловской ГРЭС и на партийную работу был выдвинут как раз после чисток²⁶. Но он так и не узнал о «действительных причинах разгрома» 1949 г. из-за одной единственной, но решающей промашки Кузьмы Михайловича. Борис Никандрович, как человек весьма сомнительного происхождения (сын видного деятеля кадетской партии), был осторожен и не давал впутать себя в опасные или хотя бы сомнительные ситуации. В бытность свою редактором «Звезды» он, несмотря на хорошие отношения с Хмелевским, весной—летом 1948 г. поддержал спецкора газеты Данилкина и напечатал его материалы о злоупотреблениях на Березниковском азотно-туковом заводе, чем вывел себя из-под возможного серьезного обвинения в утрате партийной бдительности. С трудом Хмелевскому удалось замаять этот факт, дошедший в июле 1948 г. до столицы²⁷.

Б. Н. Назаровский, в 1960-е гг. работавший внештатным инструктором отдела пропаганды и агитации Пермского обкома КПСС, вновь воздержался от риска. Просьбу Хмелевского, как и прежнюю, он, оставил без ответа. И вскоре их переписка завершилась.

Сопоставление сведений, изложенных в письме К. М. Хмелевского, с данными архивных материалов, специальных исторических исследований и справочной литературы позволяет сделать вывод о том, что одной из причин чистки аппарата парторганов, прошедшей в 1949—1950 гг. помимо прочего и в Молотовской области, была месть Г. М. Маленкова. Данный вывод важен не тем, что подтверждает растиражированный тезис о мстительности и неприглядности личности секретаря ЦК. Он ценен тем, что обозначает сложность взаимоотношений руководителей общесоюзного и регионального уровня той эпохи, которые никак нельзя сводить к простой модели приказа — исполнения. Как и сама жизнь, они были многогранны и непредсказуемы, насыщены событиями, которые по прошествии времени и кажутся невозможными. Сам факт, что руководитель области, обойдя формальные правила и процедуры, сумел выйти на высшее руководство страны и настоять на своем, указывает на гибкость, эффективность и, пожалуй, человечность «системы», которую до сих пор принято скорее демонизировать, нежели изучать.

Подробный анализ одного единственного письма позволил уточнить биографию талантливого руководителя области и раскрыть душевные тайны секретаря ЦК, а так же убедиться в значимости корпоративности, групповой сплоченности, на которой во многом держалась и партийная, и хозяйственная работа, и даже личная жизнь. Личные отношения имели неременный выход на уровень общественный. Тем не менее, чистки 1949—1950 гг., прошедшие под лозунгами борьбы с неправильным подбором кадров, семейственностью, вероятно, были нацелены не против корпоративности, а руководителей, которые интересовал результат, и которые умели достигать его не только действуя по заведенным правилам, но и в обход, неформально.

Примечания

1. См. напр.: Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР и первые послевоенные годы. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. — 304 с.; Костырченко Г. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. — 2-е изд. — М.: Международные отношения, 2003. — 779 с.; Пихоя Р. Г. Советский союз. История власти. 1945—1991. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. — 684 с.

2. См.: Зубкова Е. Кадровая политика и чистки в КПСС. 1949—1953 // Свободная мысль. — 1999. — № 3. — С. 117—129; № 4. — С. 96—110; Ленинградское дело / сост.

В. И. Демидов, В. А. Кутузов. — Л.: Лениздат, 1990. — 413 с.; Николаевский Б. И. Тайные страницы истории; ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. — М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. — С. 101—231.

3. Куренкова С. В. Отражение эпохи в письмах Б. Н. Назаровского / С. В. Куренкова. — <http://www.rusarchives.ru/publication/nazarovskiy.shtml>.

4. ПермГАНИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 12. Л. 33—33 об.

5. См.: Лейбович О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40—50-х гг. — 2-е изд., испр. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — С. 83, 125, 129—130, 133, 153.

6. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924—1953 гг.): справочник / науч. ред. А. А. Чернобаев. — М.: Новый хронограф, 2008. — С. 510.

7. Там же.

8. Цит. по: Лейбович О. Л. Указ. соч. — С. 23.

9. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945—1953 / сост. О. В. Хлевнюк и др. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. — С. 526.

10. Жуков Ю. Н. Сталин: тайны власти. — М.: Вагриус, 2005. — С. 353.

11. Лейбович О. Л. Указ. соч. — С. 129—130.

12. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... — С. 527.

13. Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б). Повестки дня заседаний, 1919—1952: каталог: в 3 т. / редкол.: Г. М. Адибеков и др. — М.: РОССПЭН, 2001. — Т. 3: 1940—1952. — С. 521—522.

14. Тиунов В. Ф. Индустриальные пятилетки Западного Урала. — Пермь: Книжное изд-во, 1977. — С. 189.

15. См.: Хлевнюк, О. В. Советская экономическая политика на рубеже 1948—1950 годов и «дело Госплана» // Отечественная история. — 2001. — № 3. — С. 81—83.

16. Патоличев Н. С. Совестью своей не поступись. — М.: Сампо, 1995. — С. 152.

17. Даниленко М. А. Партийно-государственная деятельность Г. М. Маленкова: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — М.: б.и., 2005. — С. 152.

18. Хмелевский К. О некоторых вопросах работы аппарата партийных комитетов (из практики работы Молотовского обкома ВКП (б)) // Большевик. — 1948. — № 23. — С. 32—41.

19. Маленков Г. М. 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. — М.: Госполитиздат, 1949. — С. 14—15.

20. Ленинградское дело / сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. — Л.: Лениздат, 1990. — С. 182, 222—223.

21. Лейбович О. Л. Указ. соч. — С. 114.

22. Они были первыми: сб. статей о первых руководителях Пермской области. 1938—1994 гг. / под ред. В. Светлакова. — Пермь: Изд-во ГОПАПО, 2000. — С. 16.

23. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 220. Д. 3079. Л. 3—4.

24. Лейбович О. Л. Указ. соч. — С. 49—67.

25. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 262. Д. 3152. Л. 2—3.

26. Центральный комитет КПСС, ВКП (б), РКП (б), РСДРП (б): историко-биографический справочник / сост. Ю. В. Горячев. — М.: Парад, 2005. — С. 173.

27. См.: Лейбович О. Л. Указ. соч. — С. 143—144, 156—157, 162—166.

Поступила в редакцию 22 января 2012 г.

ФЕДОРОВ Алексей Николаевич, окончил Челябинский государственный университет (2002), кандидат исторических наук (2006), с 2007 г. — доцент, кафедра истории России, Южно-Уральский государственный университет. Сфера научных интересов: история средневековой Руси, политическая история России XX в. E-mail: alex_boss@list.ru

FEDOROV Alexey Nickolaevich graduated from the State Uni-Chelyabinki verstat (2002), Ph.D. (2006), p. 2007 — Associate Professor, Department of History Russia South Ural State University. Research interests: history of medieval Russia, the political history of Russia in the XX century. E-mail: alex_boss@list.ru